

М. Б. Елисеева

ОНТОГЕНЕЗ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РЕЧИ РЕБЕНКА ОТ 3 ДО 4 ЛЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00293.

Статья основана на фрагменте дневниковых записей речи одного ребенка от 3 до 4 лет и посвящена словообразовательным инновациям. Окказионализмы этого периода анализируются в сопоставлении с окказионализмами этого же ребенка до 3 лет. Рассмотрены различные способы словообразования и словообразовательные модели, продуктивные и непродуктивные, а также образования по конкретному образцу и по сверхмодели. Проанализирована частеречная природа производящих и производных слов.

Ключевые слова: словообразование, окказионализмы, детская речь, языковая система, индивидуальная языковая система, онтолингвистика, речевой онтогенез, части речи.

М. Eliseeva

THE ONTOGENESIS OF WORD FORMATION IN A CHILD'S SPEECH BETWEEN 3 AND 4 YEARS OF AGE (A CASE STUDY)

The research is based on a fragment of a speech transcript for one child between 3 and 4 years of age and is devoted to word-formation innovations. Occasionalisms of this period are analysed in comparison with occasionalisms produced by the same child at an earlier age. The authors consider various ways of word formation and word-formation models, both productive and unproductive, as well as word formation based on a specific sample and on a supermodel. The morphological nature of the original words and derivations is also analysed.

Keywords: derivation, occasionalisms, child language, language system, individual language system, ontolinguistics, speech ontogenesis, parts of speech.

Одно из важнейших проявлений системности языка — деривационные отношения между словами. Как хорошо известно, в индивидуальной языковой системе реализуется системность языка, при этом детское словообразование в этом отношении весьма показательно. Вслед за Н. Д. Арутюновой, впервые разграничившей системный и нормативный аспекты в словообразовании, С. Н. Цейтлин трактует соотношение «система — норма» по отношению к детской речи двояко: потенция — реализация этой потенции и инвариант — вариант. Формальная избыточность языковых средств «обеспечивает языку определенный запас прочности» [13, с. 171].

С. Н. Цейтлин называет факторы, облегчающие освоение словообразовательных моделей в раннем онтогенезе: 1) качество модели — «морфотактическая прозрачность» (по Дресслеру), проявляющаяся в четкости формального членения, отсутствии или предсказуемости чередований на морфемных швах, неподвижности ударения при переходе от производящей основы к производной; 2) регулярность словообразовательных типов, представляющих собой реализацию данной модели; 3) распространенность в инпуте производных слов, построенных по данной модели; 4) широкая употребительность производящих слов [12, с. 301].

Это чрезвычайно важные факторы, распадающиеся на две группы: собственно языковые и обусловленные инпутом. Вряд ли автор, нумеруя их, имел в виду степень значимости. Вероятно, в каждом отдельном случае более или менее важными могут быть различные факторы. Анализировать уверенно можно первые два из обозначенных факторов (языковые). Анализ инпута (например, речи матери) может дать возможность сделать некоторые выводы о значимости третьего и четвертого факторов (хотя для ребенка значима не только речь матери), но это не входит в задачи настоящей статьи.

Дневниковые записи дают возможность проследить постепенное усвоение словообразовательных моделей ребенком от самых ранних к более поздним, продуктивных и непродуктивных, общих и частных, заполняющих разные типы языковых лакун, а также рассмотреть частеречную природу производящих и производных слов.

В настоящей статье анализируется окказиональное словообразование в речи Лизы Е. от 3 до 4 лет. Материал, используемый в статье, подробно описан в монографии [6, с. 14]. Предварим этот анализ обзором предшествующей стадии развития деривации в речи этого ребенка.

Линия словообразовательного онтогенеза в индивидуальной языковой системе нашего информанта вырисовывается следующим образом. И первые окказиональные формы слов, и первые самостоятельно сконструированные слова появляются одновременно — в период лексического взрыва, начало которого зафиксировано в 1,9. Однако словообразование развивается относительно медленно: количество словообразовательных окказионализмов до 3 лет относительно невелико — 83 [6, с. 213]; для сравнения: в речи того же ребенка от 1,9 до 3 лет 287 словообразовательных инноваций [6, с. 288]. Хотя внутриязыковые причины возникновения окказиональных форм и окказиональных слов различны, базовые механизмы их появления в речи ребенка сходны: это стремление ре-

бенка к генерализации, стремление расширить границы усвоенного знания для расширения возможностей речевой деятельности (рис. 1).

Самые ранние словообразовательные модели в речи Лизы, фиксируемые до двух лет, — диминутивы и притяжательные прилагательные, что соответствует данным А. Н. Гвоздева [2, с. 230] и С. Н. Цейтлин [12, с. 298–301]. Если рассматривать морфологическую природу мотивирующих слов, следует отметить, что количество отсубстантивных окказионализмов преобладает над девербативами (более чем в два раза) и время появления отглагольных инноваций несколько более позднее (после двух лет). Основной способ образования — суффиксальный: так образовано 73% инноваций (58 примеров, из них 24 существительных, 29 прилагательных и 5 глаголов). К редким можно отнести образования от прилагательного и от междометия (по 1 примеру). Другие способы деривации лишь начинают осваиваться ребенком до трех лет: глаголы могут образовываться префиксально, постфиксально и префиксально-постфиксально, а существительные — путем сложения (37%, 25 примеров). Если учитывать все способы словообразования, то можно говорить о частеречном балансе: количество производных окказиональных существительных, глаголов и прилагательных приблизительно одинаково — существительные (33), глаголы (21) и прилагательные (29). Интересно, что при формообразовании картина иная: за этот период 165 субстантивных и 135 глагольных инноваций, а адъективных нет вовсе (что, конечно, легко объяснимо простой парадигмой прилагательного). Подавляющее количество примеров до 3 лет — случаи прямого словообразования; но зафиксирована также десуффиксация (3) и заменительная деривация (3) [6, с. 291].

В течение следующего года, от 3 до 4 лет, количество словообразовательных инноваций увеличилось более чем вдвое (их около **200**), при этом отмечены уже все существующие в русском языке способы прямого словообразования, а также развивается заменительная

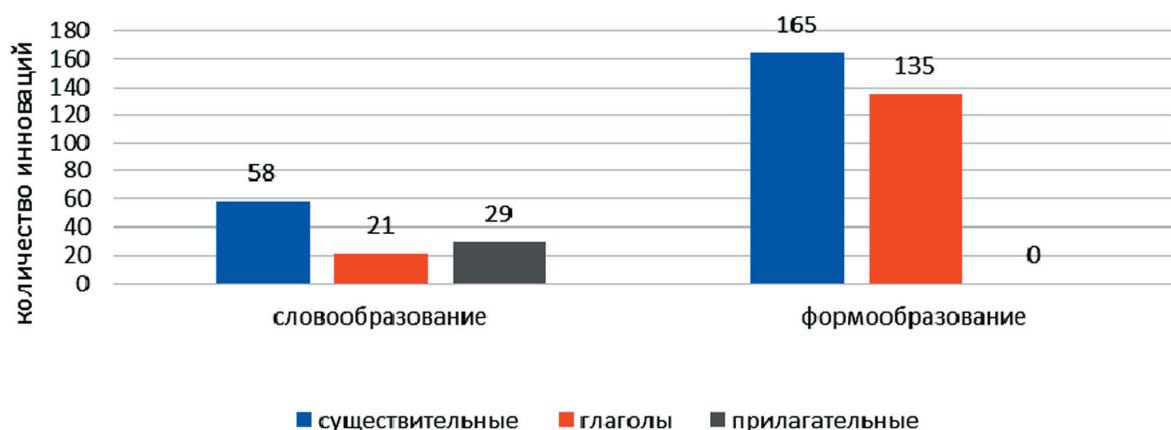

Рис. 1. Распределение словообразовательных и формообразовательных инноваций от 1,9 до 3 лет

и обратная деривация. Ранее были подробно рассмотрены только суффиксальные образования как преобладающие в этот период (129 примеров).

Наиболее продуктивными оказались отсубстантивные дериваты (существительные с разнообразными суффиксами, в том числе нулевыми, передающими значение женскости, невзрослости, увеличительности, уменьшительности, лица, абстрактного признака или действия и др.) и прилагательные со значением принадлежности и с широким значением 'имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным' и различными частными значениями.

На втором месте по частотности отглагольные окказионализмы, почти сплошь — имперфективы: либо окказионализмы с неверным выбором суффикса, либо являющиеся результатом вторичной имперфективации. Интересно, что при этом могут происходить сложные морфонологические преобразования, что ничуть не смущает ребенка, например, чередование гласных внутри основы (*отнасывать*, *выплавывать*) или чередование согласных (*погрызывать*). Практически все эти примеры заполняют относительные языковые лакуны (оказалось неожиданным, что у глагола *примоститься* некоторые словари дают пару *примащиваться*; у ребенка она другая — *примощаться*). Впервые слово *примащиваться* отмечено в

словаре Д. Н. Ушакова (т. 3, 1939 г.), без указания контекста использования. В дальнейшем авторы словарей, по-видимому, воспроизводили это, поскольку нигде контексты тоже не указаны. Хотя интернет-поиск дает несколько контекстов с формами этого слова, например, в романе А. Ф. Писемского или письме А. П. Чехова эти употребления воспринимаются как авторские окказионализмы. Любопытно, что поиск не дает глагола *примощаться*. Возможно, здесь как раз проявилось детское стремление к морфологической прозрачности: избеганию перемещения ударения и чередований гласных (хотя согласные чередуются).

На третьем месте — существительные с нулевой и ненулевой суффиксацией и значением абстрактного признака по мотивирующему глаголу, а также обозначающие 'предмет или лицо, совершающие действие'. Реже встречаются отглагольные прилагательные со значением 'являющийся субъектом действия'. Ребенок в подавляющем большинстве осваивает продуктивные словообразовательные модели, но есть и непродуктивные (например, использует суффиксы притяжательности -АЧИЙ, -ИЙ) [7]. Таким образом, даже одни только суффиксальные окказионализмы дают маленькому ребенку возможность передать многие смыслы: или не обозначенные в нормативном языке словами, но потенциально возможные, или обо-

значенные иначе, то есть в норме реализованные по-другому. В первом случае ребенок заполняет абсолютные языковые лакуны (*невкнижечная лиса, белк* (м. р. от *белка*), *навал игрушек, отгон, сырще* — о большом куске сыра, *броненосики, ламочки, озёрчик, тороплюшка, ехалка, киндерсюпризный, акробатистый* и др.), во втором — относительные (*енье* вместо *еда, свистение* вместо *свист, кислоть* вместо *кислота, цыплиха* вместо *кураца, подаривать* вместо *дарить, отползывать* вместо *отползать, погрызывать* вместо *грызть, драчучий* вместо *драчливый, облепишный* вместо *облепиховый* и др.). Хотя С. Н. Цейтлин пишет о преобладании в сфере словообразования (особенно в сравнении с формообразованием) абсолютных лакун [13, с. 167], и именно так было до 3 лет [6, с. 213], в рассматриваемый период относительных лакун в детском словообразовании появилось немало — в основном за счет образования окказиональных видовых пар и относительных прилагательных. Причиной возникновения окказионализмов, заполняющих относительные лакуны, является сложность словообразовательной системы, в которой «существует значительное число синонимичных, параллельных словообразовательных моделей, причем выбор одной из них определяется лишь традицией» [14, с. 170]. Некоторые окказионализмы совпали с узуальными (отмеченными словарями) словами, что отмечалось и на предшествующем этапе развития словообразования в речи ребенка.

Нередко при словообразовании ребенок сохраняет основу, демонстрируя стремление к «морфологической прозрачности», то есть сохранению единообразного вида морфем в составе сложных форм» [1, с. 29]: унифицируя ударение (*свёкольный* вместо *свекольный, слунье* вместо *слоновье*), устраняя чередование гласных (*мёдный* вместо *медовый, пчёллин* вместо *пчелиный*) или согласных (*грецкий* вместо *греческий*). Однако это не является обязательным условием образования нового слова: реже, но встречается и перемещение

ударения (*гриб*, но *грибучный, заяц*, но *зайчачьи*), и чередование конечных согласных основы (*медведь*, но *медвежка, торопиться*, но *тороплюшка*).

Кроме суффиксальных, в этот период используются (хотя и реже) и все остальные способы словообразования, реализующиеся в частных моделях, которые рассматриваются в настоящей статье.

Прямое словообразование представлено следующими моделями.

Префиксация (20).

Глаголы, производные от глаголов (18). Осваиваются разнообразные приставки: ЗА (5) — *замокнуть, закрасть, затолстеть, залежать, заремонтировать, завеселиться*; С(СО) (4) — *состроить (домик), состарить (леденцы состареют), скончать (работу), сполоскать (белье)*; ЧЕРЕЗ (2) — *череспрыгнуть* и *чересходить*; НА, ПОД, ДО, ОТ, ИЗ (1) — *докачаться, напахнуть, подмахнуть (домик хвостиком), отъесть (сырничек), изъесть (изъешь, боярин!)*.

Формы, в которых ребенок употребляет глаголы, разнообразны, в том числе и причастия: *заремонтированный, залёжано, замокший*.

Наибольшую продуктивность проявляет префикс ЗА-. В «Русской грамматике» эта модель представлена десятью типами, большинство из которых отмечены как продуктивные. Окказионализмы с приставкой С-(СО-) в основном имеют значение «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» и тоже представляют продуктивный тип. Отмечено, что «многие просторечные глаголы этого типа синонимичны стилистически нейтральным глаголам с другими префиксами: *стухнуть — протухнуть, сжарить — изжарить, сгодиться — пригодиться, сбесить(ся) — взбесить(ся)*» [9, § 879]; ср. в детской речи: *сполоскать* при нормативном *прополоскать, состарить* при нормативном *постареть*. С. Н. Цейтлин отмечает, что в речи детей «приставка С- в функции видовой вытесняет другие приставки» [14, с. 153].

Глаголы с префиксом ЧЕРЕЗ-(ЧЕРЕС-), образованные от глаголов, сконструированы по окказиональной модели: в нормативном русском языке с этим префиксом образуются только имена прилагательные. Вероятно, значение предлога ЧЕРЕЗ — очевидное, «морфотактически прозрачное» («поверх чего-либо») — повлияло на возможность образования подобных глаголов в речи детей (слово *череспрыгнуть* давно известно онтолингвистам, см. словарь детских инноваций [3, с. 144]). Прогнозируемая сочетаемость глаголов *прыгнуть* и *ходить* с этим предлогом предопределила словообразовательную функцию этого предлога и возникновение указанных инноваций. Любопытно, что слово *череспрыгнуть* отмечено в дневнике как любимое и часто употребляющееся ребенком в разных формах, например *череспрыгнем*. Ребенок употребляет это окказиональное слово в сочетании с предлогом, подчеркивая таким образом значение предлога «Я *череспрыгиваю* через...» — перепрыгивает через сковородку, стоящую на полу. Позже появился глагол *чересходить*: «Я буду *чересходить* через эти лужи».

По конкретному образцу образовано слово *изъесть*: ребенок отталкивался от часто употребляемой отцом в быту измененной цитаты из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Отведай, боярин, из моего кубка» (в речи отца звучало иначе: «Испей, боярин»). О таких фактах применительно к детской речи впервые написала С. Н. Цейтлин: «... моделироваться может единичная словообразовательная пара» [13, с. 297].

Префикс НЕ- используется для образования антонимов от существительных и прилагательных — это, безусловно, продуктивный тип.

Прилагательные, производные от прилагательных (2): *нешекотный, небезобидный*. Мы считаем, что это слово, хотя и отмечается словарями как узуальное, редко или даже совсем отсутствует в речи, обращенной к ребенку, и было сконструировано им самостоятельно. Старший брат Лизы от слова

безобидный образовал другое слово другим способом — *обидный*, ср. диалог: «*Это гусеница безобидная*». — «*Нет, она обидная, она растения ест*».

Существительное, производное от существительного (1): *неглупость*.

Префиксально-суффиксальный способ (5) — отадъективная (1) и отсубстантивная (4) деривация. Одно наречие образовано от прилагательного (*по-мелкому*) и 4 прилагательных — от существительных (*срогоий, бесколесный, безногий и безнорукий*). Последние примеры, вероятно, можно трактовать и иначе, но мы склонны видеть здесь образование от существительного с предлогом и с редупликацией. Пример *срогоий* можно было бы трактовать как заменительное словообразование (от *безрогоий*), но контекст подсказывает, что это образование по потенциально возможной словообразовательной модели, или «сверхмодели» [13, с. 298] — говорит об огромной улитке: «*Какие у неё руги. Срогая*», ср.: *сусые мыши (мыши с усами)*.

Отглагольная постфиксация (6) представлена глаголами *достаться, дружить, рухнуть, остаться, прилипнуть, засесть*. Эти случаи распадаются на два типа: образованные от переходных глаголов (*достать, оставить*) и от непереходных (*дружить, рухнуть, прилипнуть, засесть*). Интересно, что вторых случаев больше. С. Н. Цейтлин пишет о подобных примерах: «Чаще семантического различия между производящим и производным глаголом нет, и -СЯ выступает в качестве пустого добавления» [14, с. 158]. Кроме того, и частотный в речи ребенка окказионализм *достаться*, по сути дела, тоже не имеет другого в сравнении с производящим словом значения: «*Тебе будет не достаться до расчески*», «*Я не достанусь*», «*Мне не достаться до мячика*». Ребенку как будто просто нравится добавлять -СЯ, даже без особого смысла. Пожалуй, единственный пример с определяемым, а именно косвенно-возвратным [9, § 1469] значением постфикса, такой: «*Сейчас я обсосу весь апельсин, и тебе не останется*».

Отглагольный префиксально-постфиксальный способ (4) представлен тремя глаголами с приставкой РАЗ- (РАС-) и одним с приставкой ЗА-

Глаголы *расхвататься, размычаться, распада́ться* имеют значение «начав действие, названное мотивирующим глаголом, достигнуть большой интенсивности этого действия (часто — в результате постепенного нарастания интенсивности)»: «*Как ты расхваталась брата за нос!*»; «*Корова размычалась*» (нажимая рычажок игрушечной коровы несколько раз подряд); Играет со своими старыми сосками, ставя их в коробочку: «*Как они все распадались. У меня были такие устойчивые, а стали неустойчивые*». «Русская грамматика» отмечает этот тип как продуктивный, особенно в разговорной речи и просторечии — приводятся окказиональные образования: *разгрипповаться, развольничаться, располыхаться* [9, § 950].

Глаголы с префиксом ЗА- и постфиксом -СЯ в языке имеют значение «в течение длительного или чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться»: *забежаться* (разг.) (устать от длительного бега), *заслушаться, заболтаться* (прост.), *заговориться, загуляться* (разг.), *заиграться, замечтаться*... Тип продуктивен, особенно в разг. речи и просторечии; окказ. *не слишком ли мы заприздновались* (А. Ковтун) [9, § 941]. В речи ребенка один такой пример: Построила башню из кубиков и стала танцевать под музыку. «*Ой, упал! Что-то я заплясалась!*».

Отадъективный префиксально-суффиксально-постфиксальный глагол (1): *утишииться* («*Детки уже утишились*»).

В «Русской грамматике» отмечено: «Отдельные глаголы сов. вида, мотивированные существительными и прилагательными, имеют суф. -и-, постфикс -ся и префиксы» [9, § 958]. При этом среди префиксов названа и приставка У-. Тип не отмечен как продуктивный, однако приведено два примера со значением приобретения признака (*улету-*

читься, ухитриться). Вспомнился знаменитый среди онтолингвистов глагол *прицветочиться* [14, с. 172], также образованный этим способом: среди префиксов в «Русской грамматике» назван ПРИ- и в качестве примера приведен глагол *прилуниться*.

Отсубстантивный суффиксально-постфиксальный глагол (1): *бананиться* (о девочках, дерущихся из-за бананов: «*А то они так бананятся!*»). «Русская грамматика» отмечает подобное как частную модель, имеющую значение «приобретать признаки того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным»: *углиться* [9, § 932]. В целом тип отмечен как продуктивный, с общим значением «имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным».

Сложение существительных (3), возникшее в речи ребенка еще до 3 лет, встречается и от 3 до 4, но тоже нечасто. Это 3 слова, образованные из двух существительных (*ремешок-змея, колечко/а-макарон*) и от прилагательного и существительного в сочетании с суффиксацией (*красноглазка*).

Сложением образовано также прилагательное (1) — с нулевой суффиксацией, производящими словами являются прилагательное и существительное (*длинноглазый*).

Интересно, что способ сложения нельзя считать характерным для русской детской речи. Однако он весьма частотен в речи маленьких англоговорящих детей: «The earliest such coinages in a language like English are typically root compounds, formed from two nouns, as in *crow-bird* or *taxi-car* (both from two year-aids)» [15, с. 401].

Многошаговое словообразование (9) — 6 глаголов: *задлиннить, заместить, наобжориться, засюрпризить, разбананиться, захолоднеть*; 2 существительных: *капризунья, ревунья*, и 1 наречие *скрипно*.

Пути возникновения этих окказионализмов иногда очевидны, а иногда сомнительны. Так, например, сложно трактовать однозначно такой пример: «*С Кариной не надо спать. Она заместит мне кровать... У меня такая маленькая кроватка. Там заместит она*

кроватку» — о самой большой своей кукле Карине. Кажется вероятным двухшаговое словообразование: 1) глагола от существительного — суффиксально; 2) глагола от окказионального глагола — префиксально. Интересно, что ребенок пробует разные варианты слова, меняя ударение. В «Русской грамматике» выделены глаголы со знач. «совершать действия, обычно производимые в (на) том, что названо мотивирующим существительным»... Некоторые глаголы означают действие, происходящее в данном месте: окказ. *берложить* — ‘жить в берлоге’ (*Сиял бы месяц слабо, берложил бы медведь*. Асеев) [9, § 794].

Спорным кажется и пример «*задлиннить*». На картинке — бегущий кот Брыськин (персонаж книги Е. Кальмана) с длинным вытянутым хвостом: «*А почему хвостик задлиннить так у него?.. Потому что он бежит*». Возможно, от прилагательного образован глагол *длиннить*, ср.: глаголы со знач. «совершать действия, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным»: *частить* (разг.) ‘производить частые движения, звуки’, *мельчить* (*Форварды мельчили в передачах*, газ.), *фальшивить*. Второй шаг — префиксальное образование, типичное для ребенка.

Слово *наобжориться* («*Они так наобжорились...*») тоже двухшагово: 1) от существительного *обжора* образован глагол *обжориться*, ср. в норме: глаголы с суф. *-и-* и постфиксом *-ся*, мотивированные существительными, означают действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным. Многие глаголы объединяются в подтипы: 1) «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *невеститься* (прост.), *петушиться* (разг.) [9, § 932]; 2) второй шаг — префиксация.

Глагол *разбананиться* (драться из-за бананов), трактуемый нами как многошаговый дериват (сначала — суффиксально-постфиксальный способ, затем — префиксация), можно объяснить и иначе: префиксально-

суффиксально-постфиксальный способ, ср. в «Русской грамматике»: *раскошелиться*, *разобезьяниться* (окказ.) [9, § 958].

Субстантивация наречия (1). Ставлю себе градусник. «*Поставь под мышку. Вот тут мышка*» — похлопывает меня по руке внизу. И. С. Улуханов отмечает, что «субстантивация наречий всегда окказиональна и обусловлена контекстом — употреблением в синтаксической позиции существительного» [11, с. 45]. О подобных примерах в детской речи пишет С. Н. Цейтлин как о «случаях, демонстрирующих глубинные потенции словообразовательного механизма»: автор указывает на случаи субстантивации наречий, «абсолютно не свойственные нормативному языку», и приводит примеры «*на таком далеке*» и «*читать в темне*» [13, с. 299].

«Всякое соотношение мотивирующего и мотивированного может быть прочитано не только слева направо, но и справа налево, — писал И. С. Улуханов, — т. е. потенциально может быть моделью для обратного словообразовательного процесса» [11, с. 47]. В языке взрослых, как и в детской речи, образуются окказиональные слова путем «дезаффиксации». И. С. Улуханов приводит примеры депрефиксации (*разбериха*), десуффиксации (*радиовещать*) и депостфиксации (*содрогать*). В детской речи это явление было впервые отмечено и подробно описано С. Н. Цейтлин.

Обратное словообразование в речи ребенка после 3 лет продолжает развиваться (11): 7 глаголов, 3 существительных и 1 прилагательное, при этом наиболее частотна депостфиксация (6), но есть и другие способы — десуффиксация (3), депрефиксация (2).

Депостфиксальным способом созданы глаголы *подружить*, *дождать*, *просыпать*, *получить*, *вылупить*, *издевать*, из возвратных превратившиеся в невозвратные переходные. Слово *дождать* было спровоцировано праймингом: «*Они же ждут-ждут и ничего не дождут*».

Отбрасыванием суффикса образовано 3 существительных: *кочыш* (от *кочешок*), *простына* и *одуван*. При этом иногда очевидно

осмысление ребенком части слова как уменьшительно-ласкательного суффикса и одновременно понимание окказиональности этого слова и способности вернуться к норме (косвенное самоисправление), ребенок говорит об огромном кочане капусты, принесенном отцом: «Какой кочии!» — «Что?» — «Кочешок какой у папы». Отбрасыванием приставки образован 1 глагол — *весить* (от *повесить*) и 1 прилагательное — *обидный* (от *безобидный*).

Заменительная префиксация (5).

Замена приставок с образованием антонима к производящему слову происходит почти исключительно в глаголах: *склеить* (от *наклеить*), *отхлопнуть* (от *захлопнуть*), *открасить* (от *закрасить*), *отучиться* (от *научиться*), *откапать* (от *закапать*). Отметим, что именно заменительная деривация глаголов — вообще наиболее частотный способ такого словообразования.

Выводы

Количество словообразовательных инноваций в речи нашего информанта от 3 до 4 — 196, то есть за год выросло более чем вдвое, по сравнению с количеством за весь предшествующий период от 1,9 до 3. Производные слова относятся в основном к трем частям речи: 75 глаголов (38%), 72 существ-

вительных (37%), 47 прилагательных (24%), но встречаются и 2 первых окказиональных наречия (1%) (см. рис. 2).

Если учитывать процент от общего количества всех словообразовательных инноваций, то мы увидим, что подавляющее количество существительных и прилагательных образовано суффиксально, что соответствует известному постулату о том, что суффиксы усваиваются раньше приставок [10, с. 168]. Образованные другими способами существительные и прилагательные периферийны: всего по 3%. Казалось бы, деривация глаголов не вполне подтверждает эту точку зрения: суффиксальным способом образовано небольшое количество глаголов и гораздо шире использованы другие способы прямого словообразования — префиксация, постфиксация, комбинация этих способов, а также заменительное и обратное глагольное словообразование. Но Д. Слобин писал о внимании ребенка к концу слова, а оно есть: постфиксация (с добавлением или отбрасыванием постфикса) также пополняет этот ряд. Словообразование наречий чрезвычайно редко, но тем не менее оно есть — таким образом, встретились окказионализмы всех частей речи, словообразование которых описано в «Русской грамматике». В целом предсказуемо преобладает прямая деривация —

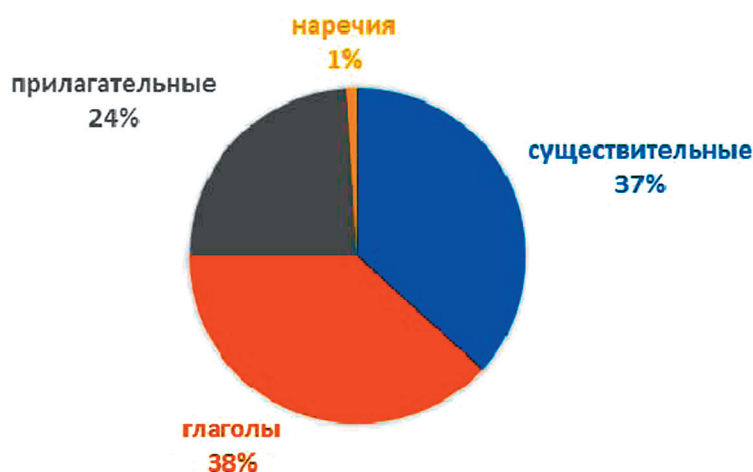

Рис. 2. Частеречное распределение словообразовательных инноваций от 3 до 4 лет (все способы словообразования)

91%, но растет процент обратной — 6% и заменительной — 3% (рис. 3).

В подавляющем большинстве случаев при словообразовании ребенок сохраняет основу, унифицируя ударение, устраняя чередование гласных или согласных, но это не является стопроцентным условием создания окказионализмов: иногда используется перемещение ударения или чередование согласных. Однако практически все детские окказионализмы диаграмматичны: «Свойством диаграмматичности обладает... любое производное слово, в котором ясно выделяется корень и, например, суффикс с выраженным значением» [1, с. 58]. Поэтому любое детское слово понятно и не вызывает никаких проблем при коммуникации со взрослым, в то время как окказионализмы поэтов могут быть непонятны, особенно вне контекста. Так, например, в идиолекте Андрея Белого «общий набор способов словообразования составляет 25. При этом 13 узуальных и 12 окказиональных», например афереза и апокопа [8].

Окказионализмы позволяют ребенку передать смыслы или не обозначенные в нормативном языке словами (при этом заполняются абсолютные языковые лакуны), или обозначенные иначе (заполняются относительные лакуны). Примеры первых: *размычаться*, *распадаться*, *заплясаться*; вторых: *состроить*

(вместо *построить*), *затолстеть* (вместо *потолстеть*), *череспрыгнуть* (вместо *перепрыгнуть*). Если до 3 лет словообразовательные окказионализмы почти всегда заполняли абсолютные языковые лакуны, от 3 до 4 лет появилось большое количество заполненных ненормативными имперфективами и относительными прилагательными относительных лакун. Спорны отдельные случаи, которые мы склонны трактовать как заполнение абсолютных лакун, но с учетом данных некоторых словарей их можно отнести и к относительным (детское *примоцаться* вместо пустой клетки или *примащиваться*). Слово *примащиваться* есть во многих словарях: Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой, словаре синонимов З. Е. Александровой и др. Однако ни один словарь не приводит контексты употребления этого слова. Чрезвычайно редкие употребления в текстах этого слова, которые удалось обнаружить, ощущаются как окказиональные. При этом, однако, даже среди окказионализмов в речи взрослых ни разу не встретилось *примоцаться* (почти лишенное морфологических изменений), зафиксированное в речи ребенка, что подтверждает один из постулатов естественной морфологии.

Некоторые окказионализмы внешне совпали с отмеченными словарями, но редкими

Рис. 3. Направления деривации и способы словообразования

и не встречавшимися в инпуте словами (*бесколёсный*). Часть примеров можно отметить как «типично детские», например *просыпáть* вместо *будить*, *издевать* (от *издеваться*), *вылупить* (от *вылупиться*); другие, напротив, являются редкими: таковы, например, *засюрпризить* или *разбананиться*.

Можно предположить, что онтогенез словообразования Лизы обусловлен тем, что это ребенок референциального речевого стиля, более последовательный в применении грамматических правил и склонный к морфологическим сверхгенерализациям. Об этой способности референциальных детей пишет Г. Р. Доброва, опираясь на исследования Э. Бейтс. Г. Р. Доброва относит генерализацию (а также дифференциацию и имитацию) к базовым механизмам усвоения языка [4,

с. 219] и выявляет в речи Лизы «наиболее много случаев опоры на генерализацию» [4, с. 221]. Этот вывод не был основан на анализе словообразования ребенка, а касался других сторон речи (формирования сигнификата у слов, его лишенных; освоения терминов родства, установления гипо-гиперонимических отношений). Довольно большое количество словообразовательных инноваций в речи ребенка демонстрирует эту же особенность. Словообразовательные инновации — одно из ярких проявлений метаязыковой деятельности ребенка [4].

Хотя почти все способы узуального образования (кроме аббревиации и сращения) присутствуют, многие модели, разумеется, еще не освоены. Однако деривационное разнообразие постепенно набирает темп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войкова М. Д.* Становление имени. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2015. 352 с.
2. *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс; М.: Сфера, 2007. 472 с.
3. *Говорят дети: словарь-справочник / сост. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 147 с.
4. *Дети о языке. Приложение 2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике / сост. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева, Т. В. Кузьмина.* СПб.: Союз, 2001. 143 с.
5. *Доброва Г. Р.* Вариативность речевого развития детей: монография. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.
6. *Елисеева М. Б.* Становление индивидуальной языковой системы: ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.
7. *Елисеева М. Б.* Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной междунар. науч. конф. Иваново: Листос, 2019. С. 152–156.
8. *Кошелева С. В.* Новообразования Андрея Белого: На материале романов «Петербург» и «Москва»: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2003. 182 с.
9. *Русская грамматика. Т. 1.* М.: АН СССР, 1980. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения: 05.03.2020).
10. *Слобин Д. И.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психоллингвистика / сост. А. М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
11. *Улукханов И. С.* Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 44–54.
12. *Цейтлин С. Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
13. *Цейтлин С. Н.* Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 408 с.
14. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2017. 240 с.
15. *Clark E. V.* Later lexical development and word formation // The handbook of child language / eds. P. Fletcher, B. MacWhinney. Oxford: Blackwell, 1995. P. 393–412.

REFERENCES

1. *Voejkova M. D.* Stanovlenie imeni. M.: Fond razvitiya fundamentalnyh lingvisticheskikh issledovanij, 2015. 352 s.
2. *Gvozdev A. N.* Voprosy izucheniya detskoj rechi. SPb.: Detstvo-press; M.: Sfera, 2007. 472 s.
3. Govoryat deti: slovar-spravochnik / sost.: S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2000. 147 s.
4. Deti o yazyke. Prilozhenie 2 k Trudam postoyanno dejstvuyushchego seminaru po ontolingvistike / Sost. Tseitlin S. N., Eliseeva M. B., Kuzmina T. V. SPb.: Soyuz, 2001. 143 s.
5. *Dobrova G. R.* Variativnost rechevogo razvitiya detej: monografiya. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2018. 264 s.
6. *Eliseeva M. B.* Stanovlenie individual'noj yazykovoj sistemy: rannie etapy. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2015. 344 s.
7. *Eliseeva M. B.* Suffiksalye slovoobrazovatelnye modeli v rechi rebenka ot 3 do 4 let (na materiale longitudnogo issledovaniya) // *Sovremennaya ontolingvistika: problemy, metody, otkrytiya: materialy ezhegodnoj mezhdunar. nauch. konf.* Ivanovo: Listos, 2019. S. 152–156.
8. *Kosheleva S. V.* Novoobrazovaniya Andreyu Belogo: Na materiale romanov «Peterburg» i «Moskva»: dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2003. 182 s.
9. Russkaya grammatika. T. 1. M.: AN SSSR, 1980. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rusgram.narod.ru> (data obrashcheniya: 05.03.2020).
10. *Slobin D. I.* Kognitivnye predposylki razvitiya grammatiki // *Psiholingvistika* / sost. A. M. Shahnarovich. M.: Progress, 1984. S. 143–207.
11. *Uluhanov I. S.* Uzual'nye i okkazionalnye edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy // *Voprosy yazykoznaniya*. 1984. № 1. S. 44–54.
12. *Tseitlin S. N.* Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znak, 2009. 592 s.
13. *Tseitlin S. N.* Lingvisticheskie etyudy. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2013. 408 s.
14. *Tseitlin S. N.* Yazyk i rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka. M.: Vldos, 2017. 240 s.
15. *Clark E. V.* Later lexical development and word formation // *The handbook of child language* / eds. P. Fletcher, B. MacWhinney. Oxford: Blackwell, 1995. P. 393–412.